• Акция «Известий»

Экипаж

«Известия» продолжают рассказывать о моряках, погибших на «Курске».

В воскресенье в городе Котласе, что на юге Архангельской области, проводили в последний путь 19-летнего матроса Алексея ШУЛЬГИНА.

— Алеша был добрый парень, светлая душа, со всеми ладил, — рассказывала директор городского центра досуга «Спутник» Надежда Панфилова. — Училоя на газоэлектросварщика в профтехучилище № 20. Я работала там мастером. Он часто шутил, смеялся, я даже прозвала его за веселый нрав «Хохотунчиком».

Письма от Алексея приходили веселые: «Пишет вам доблестный подводник-североморец. Дела идут хорошо. Сейчас стою в наряде по секретному блоку. Нажимаю кнопочку, она означает, что все нормально».

В субботу в Калининграде прощались с командиром группы радиоразведки «Курска» старшим лейтенантом Александром ГУДКОВЫМ. Служба на подлодке была его заветной мечтой. В балтийском городе у него остались родители, сестра Татьяна и невеста Настя — они хотели расписаться в очередной отпуск.

— Был спокойным, рассудительным, скромным, — рассказал «Известиям» заместитель начальника третьего факультета по воспитательной работе Анатолий Митронов. — Закончил обычную школу, но в совершенстве знал англий

школу, но в совершенстве знал английский и французский. Внес несколько положений в устав курса, так называемый кодекс чести морского офицера. Например: «Дал клятву — береги».

из-под воды показалась рубка. ней запранный огромный нос и вкинец — весь «Курск». В прыжке он завис в воздухе.

- Называется «прыжок касати». — Роман Дмитриевич не от**паясь смотрел** в экран. — Я сам полник. Сотни раз видел. Но все равно завораживает. Ведь он юм с шестиэтажный лом.

 Рома, подожди, — пыталась пиниться Ирина Иннокентьев-- человек, наверное, хочет вы какие-то вопросы задать...

Пусть сначала посмотрит. кет, поймет, почему они вообтам служили.

и товарища

Сейчас немногие семьи тех, то погиб на «Курске», соглащаотся общаться с журналистами. ы их достали. Родителей капи-ан лейтенанта Дмитрия Колесикова тоже достали. Но они мирились.
— Рашид Аряпов, Сергей Лю-

ушкин и Митя подружились еще училище, — рассказывает Ирина Иннокентъевна. Хотели поасть втроем на один корабль, и м пошли навстречу. Так они окавлись на «Курске». В 98-м году енился Сережа Любушкин. Но его жене Ольге кормить-общивать-обстирывать припплось всех троих. Она иногда даже шутила: «Так за кем я все-таки замужем?»

Сергей познакомился с Ольгой в Северодвинске. — Отец Дмитрия Колесникова показывает фотографию. Трое молодых офицеров и девушка беззаботно уныбаются. Но серый, уродливо недостроенный дом за их спинами напоминает, где сделан снимок. — В ресторан они ее первый раз пригласили втроем. Ольга что-то себе заказала, а они туг же встали и пошли. Говорят: «Руки забыли помыть». В туалете начали считать, хватит ли денег. Вот так теперь на флоте: одну девущку трое офицеров могут угостить только в складчину.

Посвящение в подводники

Живых членов экипажа, тех, кто случайно не пошел в тот раз в Четверо служат в Видяеве, но командование Северного флота не дало разрешения на встречу с ними. Пятый — капитан 3 ранга Василий Быков — сейчас в Питере, слушатель Военно-морской академии. На «Курске» он был командиром группы целеуказания ракетной боевой части. За неделю до катастрофы Василий женился. Командир отпустил его на

 В Видяево я приехал сразу после училища, летом 95-го. Первые дни помню как страшный сон. Ты лейтенант, никого не знаещь и никому не нужен, и все на

тебя свысока поглядывают. Наконец подписали приказ о его назначении на «Курск». От радости, говорит, чуть не прыгал новейший корабль. На «Курске» он встретил своего старого друга, Сергея Логинова, с которым пять лет не виделся. Раньше они учи-

лись в Нахимовском училище. Вливание в экипаж дело непростое. Сначала никто даже не спранивает, как тебя зовут. Первым лелом новичку дают пачку зачетных листов. Вопросы надо вызубрить не как в училище, а понастоящему. Начинаешь сдавать, приходишь к старпому, он говот — мне некогда. Идешь к друлому начальнику. Тот спрашивает: «Ты кто такой?» — «Я ваш ракетчик». — «Ах, наш ракетчик, ну «NRICYTOIL, NICH

Наконец, когда последний вопрос сдан, командир издает приказ о вступлении офицера в должность. Но такой новичок — еще не член экипажа. Чтобы стать им, нужно пройти два ритуала.

 Сначала — посвящение в подводники, которое происходит в момент твоего первого погружения, — рассказывает Вася. — По громкой связи тебя вызывают в центральный пост. Там к потолку подвешивают огромную кувалду, которую на лодке называют «мамой». Ее раскачивают, а ты должен почеловать ее так, чтобы она тебе все зубы не выбила. Поцеловал, тебе дают плафон от лампы, до краев наполненный морской водой, примерно пол-литра. Ты выпиваенть его залпом и бежишь втальюн. Потому что уже заранее предупрежден: морская вода

сильно слабит.

— вот садитесь сюда и смот-

Сегодня мы завершаем мемориальную акцию «Известий» очерком о тех, кто погиб 12 августа 2000 года в под-водной лодке «Курск». У каждого из них — своя судьба. Но все они — члены Экипажа. А у Экипажа свой День рождения. Своя судьба. Свои привычки, традиции, психология, религия, болезни и радости. И свой День смерти.

Экипаж — как маленькая секта. Лодка — Бог, командир — медиум, подводники — уз-кий круг посвященных. Экипаж — это душа корабля, а металл — его тело.

Когда погиб «Курск», флотские командиры говорили: погиб лучший экипаж. Но оценки и баллы в табелях показывают только знания, умения, боевую готовность. Дух официально не оценишь.

Лодку подняли. Тела подводников продолжают извлекать. Экипаж не найдут ни-

на берегу. Он не такой сложный. Заказываешь столовую, она

в Видяеве единственная. Приглашаются все офицеры, но только без жен. Офицерам раздаешь пригласительные билеты, которые сам и пишешь. Все рассаживаются за одним столом, ты представляешься: «Я, лейтенант такой-то, прошу принять меня в экипаж». Командир выдерживает паузу и задает только один вопрос: «Ну что, товарищи офицеры, какие будут предложения?» Те И выпивают. С этой минуты тебя начинают называть по имени, здороваться и даже пожимать руку. Ты свой.

А потом очень медленно, так медленно, что никто и не замечает, как она появляется, приходит почти физиологическая любовь к

— Сначала ты по лодке блуждаешь. Со временем начинаешь потихоньку понимать, как тут все работает. А когда сходишь на корабле в море и вернешься домой. начинаешь чувствовать: это не просто железо. И наконец однажды ты ловишь себя на мысли, что испытываешь к своему кораблю чересчур сильные чувства. Я это первый раз почувствовал, когда кто-то из наших, проходя мимо рубки, погладил ладонью то место, где нарисован герб, и сказал, словно любимой лошадке: «Кормилина ты моя».

Цепная реакция

Во время траурной церемонии Североморске к родителям дмитрия коле вдова мичмана Ишмурадова. Говорит: «Мой муж остался служить на «Курске» только потому, что Дмитрий заключил новый контракт. Он очень уважал вашего сына».

Роман Дмитриевич с Ириной Иннокентьевной знали, что сын сам продлил контракт за месяц до аварии, после того как продлил контракт командир экипажа. И многие другие тоже остались на корабле из-за Лячина. А когда родители погибших съехались в Видяево, оказалось, что очень многие погибшие подводники, почти весь экипаж, из семей морских

офицеров. Это как раз неудивительно, – говорит Роман Дмитриевич, сам капитан 1 ранга, бывший подводник. — Просто так, из воздуха, любовь к морю ни у кого не появится. И ничем другим я не могу объяснить: почему эти молодые, умные парни служили на разваливающемся флоте за эти гроши. Еще в 98-м году я Мите говорил: «Давай переводись в Питер. Что у тебя, дома, что ли, здесь нет?» И тогда он сказал фразу, которую я всю жизнь буду помнить: «Пап, ты что, разре-

«Барон» и «Батя»

Командиров у них было два. Первый, Виктор Рожков, формировал экипаж Курска в 91-м году. Второй, Геннадий Лячин, сменил его в 97-м. Первый оставил второму один из лучших экипажей — С командирами нам повез-

ло, - говорит Василий Быков. -Я просто скажу, как мы их в своем кругу называли, и ты все поймешь. Первого, Виктора Николаевича, мы звали «Барон». Он из штурманов, белая кость. Бароном прозвали потому, что он требовал от личного состава уважения ко всему, что касается чести морского офицера. От формы одежды: все с иголочки, наглажены-начищены, от правильного поведения за столом — этому он многих лично обучал — и до уважительного обращения с дамами. Он воспитывал гордость за корабль, поэтому «Курск» всегда блестел чистотой. Еще Виктор Николаевич требовал абсолютного соблюдения всех пунктов Военноморского церемониала --- есть такой документ. При этом он постоянно ссылался на историю Императорского Российского флота. ...На корабль перед отплытием заходил в последний момент, когда трап уже убирали, и убывал с корабля последним, когда был лично уверен, что все на «Курске» «по-береговому». Любил быстроту маневра, решительность и доведение поставленной задачи в море до выполнения. А когла мы отрабатывали всплытие, то, что называется «прыжком косатки», он закладывал деферент до 10 градусов. Это много — лодка почти вся выпрыгивала из воды. А Геннадия Петровича Лячина все звали «Батя». Этим все сказано. Он был поспокойнее. На «прыжке» давал деферент всего 3 градуса. И любил повторять: «Так надежней будет». Они были разные люди, но в од-

ном одинаковы: экипаж за ними был как за каменной стеной. С одной стороны, Геннадию Петровичу, конечно, повезло, Виктор Николаевич оставил ему полностью сработанный экипаж. Вася Быков так и говорит: «Геннадий Петрович» и «Виктор Николаевич», а не «Лячин» и «Рожков». - Но с другой стороны, он не с неба свалился. Мно-

Большой круг

Их отношение к службе, их братство, традиции, ритуалы и та фанатичная любовь к кораблю заклалывались десять лет назад первым командиром «Курска» Виктором Рожковым. Сейчас он живет в Москве, работает в крупной компании. От него не ждешь вы-

гие из нас его лично знали.

Второй ритуал происходит уже шишь мне уйти с плавающей ражений вроде: «Курск» был делом моей жизни». Но он именно так и сказал:

Понимаете, в чем дело: «Курск» был делом моей жизни. Перед тем как меня назначили командиром, в марте 91-го, я долго сопротивлялся. К тому моменту я уже четыре года как был командиром другой атомной крейсерской подводной лодки -К-458. У меня был свой отработанный, отплаванный и надежный экипаж. Я заочно заканчивал академию и хотел уже перебираться в Москву. Но командование решило иначе. Меня вызвали в эскадру и сказали: будень командиром «Курска». Кстати, тогда этого названия еще не было. И вот на дворе 91-й год, народ по чувствовал новые веяния, потянулся на гражданку, а я — пока елинственный член экипажа. И

мне надо формировать команду. Мало кто из офицеров хотел тогда идти в новый экипаж, на так называемый «большой круг».

— Первым делом я с человеком обстоятельно беседовал. И мне не важно было, какой он специалист. Ну что знает этот лейтенант после училища? Мне нужно было понять, что он за человек. Мы не гражданские, мы военные люди. От быстроты действий, выполнения приказов и команд командира в море зависит жизнь экипажа и корабля. Это я на своей шкуре испытал, потому что к тому времени уже и горел, и тонул: всякое было. На борту не нужны рассуждения, это на берегу можно подискутировать. И один из критериев отбора людей у меня был такой: я показываю на белое и говорю: черное. Офицер должен со мной согласиться и сказать: да, черное. И не думать при этом ни о чем! Потому что я один несу ответственность за всех и все. Многих это не устраивало, они отсеивались. Но зато когда мы сформи-

ровались, проблем у меня с эки-

• Матрос-торпедист Максим БОРЖОВ:

«Дорогие мама и папа, я горжусь тем, что стал настоящим моряком. Я счастлив, что попал на такой корабль, — это самый лучший корабль на флоте, и у нас самый лучший командир в мире. Мне здесь очень нравится. Порадуйтесь и вы за меня... Лы здесь как младшие братья. Командир Лячин на∙ зывает нас по имени и на «вы».

В Капитан-лейтенант Сергей ЛОГИНОВ:

«Здравствуй, дорогая моя Наташенька! Пишу тебе, находясь в море, на своем горячо любимом АПРК «Курск». Роднее этого крейсера у меня в Видяеве никого, к огромному сожалению, нет. Есть еще моя одіура, которая предоставляет мне ночлег, а если очень пов**езет, е**ще и накормит».

• Главный старшина Ришат ЗУБАЙДУЛЛИН: «Мама! Мне нравится на «Курске», я буду служить до пенсии. Ничего я не боюсь на этой лодке. Толь-

В Видяеве — насиженный быт, жены, дети, квартиры. А чтобы попасть на «Курск», надо все бросить, поехать на год, а то и на два

ко пожара...»

Обнинск, в учебный центр ВМФ. Жить там с семьей в общежитии, потом перебираться на завод в Северодвинск, достраивать лодку. Вся эпопея — на три-четы-

На формирование экипажа мне дали полтора месяца. Конечно, первым делом я обратился к тем, с кем плавал на К-458. Удивительно, но мои люди за мной пошли. Мурат Байгарин, который погиб на «Курске», был одним из них. Так сформировался костяк экипажа. А потом я уже начал ходить и поодиночке вербовать остальных.

Желающих было мало, но он все равно тшательно отбирал

Рожков говорит, что авторитет специально не зарабатывал. Само собой получилось.

- Приехали в Обнинск, а там

Из писем подводников с «Курска»

не общежитие — лачуга. Люди первые дни спали на полу, дети в чемоданах. А я понимал, что это я их сюля привез. И в течение нелели решил вопрос. Пришлось, конечно, поругаться с начальством, но зато появились и тумбочки, и кровати, и какая-то даже мебель. Потом жены моих офицеров начали приходить и говорить: товарищ командир, помогите, детей кормить нечем. И я не мог им отказать. Потому что это я собрал этот экипаж и вселил веру в то. что у нас будет свой, новый, новейший крейсер. В итоге я у дваднати детей, что тогда родились, стал крестным отцом.

Он помогал женам, они помогали ему. Через них он доносил до своих подчиненных то, что напрямую до них иногла не дохо-

--- Конечно, всякое там было. И выпивали, и с гражданскими дрались, но ни разу не было такого, чтобы кто-то серьезно залетел. Чтобы забрали в милицию или комендатуру. Ребята старались меня не подводить. И это у них получалось. А я им говорил: я с вами по одну сторону баррикал. Начальники мне объясняли: вы не правы, Виктор Николаевич. А я им отвечал, нет, товарищи командиры. Мне с этими людьми в море идти. А вы на берегу остане-

Потом был такой эпизод. Экипаж вернулся из Обнинска в Видяево и собирался отгулять положенные два месяца отпуска. Рожкова вызвал начальник штаба дивизии и заявил: в отпуск экипаж пойдет только на месяц. Командир ответил: положено два. Ему возразили: мы понимаем, что потожено два, но даем только один.

На следующий день, после общего построения, все экипажи разошлись, а «курские» остались стоять. Рожков подощел к начальнику штаба, доложил: «Экипаж хочет с вами побеседовать». Тот отвернулся и ушел. А экипаж продолжал стоять. Пять минут, пятнадцать, тридцать. В итоге они своего лобились. Начитаба всетаки вышел к ним и сказал: «Делайте что хотите». Подводники уехали на два месяца, а Рожкову, в кратили на 15 сугок.

Автономка

Пик славы «Курска» пришелся на 99-й год. Тогда эта лодка во время бомбежек Югославии борозлила Средиземное море под носом у американских авианосцев. Это был единственный знак устрашения, который Россия в то время смогла подать. Но шум был большой.

В эту автономку рвался весь экипаж. Два офицера, у которых хромала репутация по части алкоголя, лаже специально бросили пить. Лячин их предупредил: замечу, на борт не возьму.

Василий Быков может рассказывать о том походе часами:

 В Средиземном море всем. конечно, хотелось всплыть. Даже командир, бывало, скажет: «Сейчас бы выйти, искупаться!» Лето. На глубине 50 метров температура воды — плюс 20 градусов! Однажды всплыли под перископ. А к перископу командир никого не подпускал. Геннадий Петрович в него посмотрел, перевел взгляд на тех, кто был в центральном посту. и говорит: «Хотите на солнышко посмотреть?» Все, конечно, ринулись к перископу, глянуть-то хочется. А командир поднес к окулярам руку и нам солнечный зайчик на своей ладони показывает.

Сейчас как подумаешь — ведь 78 дней в трубе в этой безвылазно

просидели. А ведь эти 78 дней —

самые светлые за те пять лет, что я

прослужил на корабле. На «Курске» бытовала такая поговорка: «Любовь к морю воспитывается невыносимыми усло-

виями службы на берегу». В море жизнь другая, объяснял Вася. — Во-первых, отпадает вся видяевская бытовуха. Там же иногда проснешься, выйдешь на кухню, в чайнике - лед. А на корабле у тебя все работает, все отлажено, отдраено до блеска. И самое главное, ты чувствуещь, что наконец-то настоящим делом занят. Никаких проверок, инспекций, смотров. А вокруг — все свои, родной экипаж. Я разницу почувствовал, когда меня прикомандировали на несколько дней к другой лодке, «Воронежу». «Воронежу» предстоял выход на учения И вот я иду по отсеку, а вокруг незнакомые лица. Мне вдруг по-настоящему страшно стало. Как же в море идти, если не знаешь даже как людей зовут?

Во время автономки на «Курске» работало свое, внутреннее телевидение.

 В Средиземном море мы включали на все экраны трансляцию с камеры, которая установлена на носу лодки и смотрит вверх. И все пялились в экраны: там бирюзовая вола, лучи солнца, и рыбы, размером с руку, плавают прямо над нами.

А по внутреннему радио иногда зачитывали выдержки из вахтенного журнала. Одну фразу Вася Быков запомнил наизусть: «За каютой командира валяется матрос Захаров и куча бумажек».

Туда шли, все было спокойно. А как в Средиземке оказались, так началось. Самолеты над нами кружат. Корабль надводный подбежал. Но наше командование только того и хотело. Нам специально отвели маленький райончик, в нем и кругились. А перед уходом мы специально себя обнаружили, чтобы шухер навести.

Когда «Курск» вернулся в Видяево, Лячина представили к званию Героя России. Весь экипаж ходил гордый: ни у кого нет командира Героя, а у них будет. Лячин езлил в Москву, встречался с Путиным, а потом повисла пауза. И подводники затаили обиду на столицу. Никто об этом особо не говорил, но в разговорах на кухне проскальзывало.

«Курские» радости

Была на «Курске» такая градиция. Командиры отсеков и боевых частей писали письма ролителям своих матросов. И Лячин

У него был такой воспитательный прием, - говорит Василий Быков. — Похвалит матроса в письме домой — матрос гордый

ходит. А бывает, захандрит матрос и, как дитя малое, начинает канючить: «не хочу, не буду». В море это опасная вещь. Тогда командир пишет в письме: мол, товарищи родители, какого вы сына Родине воспитали? Матросу об этом кто-нибуль по секрету расскажет, и он уже шелковый. Ходит за командиром, за штанину хватает и клянчит: «Товарищ командир, не отправляйте письмо». В итоге письмо ему и отдавали.

Во время плаваний, если выпадало время, на «Курске» устраивали разные телешоу. Вроде «Поля чудес» или «Счастливого случая». Сами придумывали вопросы, сами играли, сами снимали на камеру и транслировали на весь корабль. Эту игру я видел в записи дома у родителей Дмитрия Колесникова. Все как в настоящем телевизоре. Ведущий, команлы и вопросы - посложнее, чем в «Что? Где? Когда?».

Игроки менялись, но сражались по сути две команды, люксы и механики. Механики – это понятно кто. А люксы, - объяснял Вася Быков, - штурманы, ракетчики, связисты, акустики. Все, кто карандашом и ручкой работает. У нас на «Курске» между люксами и механиками все время существовало негласное соперничество. Кто на лодке главней. Кто важней. Это похоже на спор: что первее — яйцо или курица. И вот люксы с механиками выясняли отношения: кто кого? Чаще побеждали механики... Общих, экипажных праздни-

ков у них было два. Первый день рождения экипажа, то есть дата подписания приказа о его формировании — 18 марта. Второй — день рождения корабля, первое полнятие флага — 20 января. Их отмечали грандиозными мероприятиями с женами и детьми. А дни рождения подводников, если они случались в море, праздновались с особым шиком.

Этими торжествами заведовали наш кок Анатолий Беляев и заместитель командира по личному составу Александр Шубин. У Шубина был список дней рождений и перед каждым выходом в море он смотрел: у кого когда. Шел к женам будущих именинников, те передавали ему подарки. Он их где-то у себя прятал. И вот, по громкой связи тебя вызвали в центральный пост. Идешь через весь корабль, тебя все поздравляют. Приходишь. Командир вручает наградной лист: там указана дата, долгота-широта, и стоит печать корабля. Но самое главное — тебе вручают подарок от родных. Представь: автономка. Средиземное море. А тут тебе такой сюрприз. Здоровые мужики разворачивали листочки, которые им дети писали, до слез доходило. А потом наш кок обязательно что-нибудь этакое приготовит. Он вообще был золотой человек. На баяне играл, на всех видяевских свальбах тамалил. А готовил мясо в вине замачивал! Иной раз соль закончится, он придет к своему начальству, стукнет кулаком по столу: выдайте соль — или не буду личный состав кормить. И выбивал ведь.

«С ним надо проститься

по-человечески» Мы уже почти прощались с Виктором Рожковым в его офисе в центре Москвы, когда он ска-

- Сейчас все звонят президенту и посылают по Интернету вопросы. Я тоже собираюсь отправить письмо. Хочу попросить о том, чтобы нам всем, тем, кто служил на «Курске» и остался жив, позволили отдать кораблю последние почести. В Российском Императорском флоте была такая традиция - прошание с кораблем. Мы выполнили долг перед погибшими подводниками. А крейсер остается в доке, засыпанный снегом. Он же погиб при выполнении задач своего предназначения. И Военно-морской флаг с него не спушен.

Я спросил, как эта процедура

может выглядеть. Таких церемоний у нас не было. Но это нало следать торжественно, с построением самого первого экипажа. Корабль - это ведь живой организм. И с ним тоже надо проститься - по-челове-

чески. Сначала мне показалось, что это уж чересчур. Все-таки сейчас «Курск» — всего лишь груда искореженного железа.

А потом я вспомнил отна Лмитрия Колесникова. Как он усалил меня перед телевизором и сказал

Пусть сначала посмотрит. Может, поймет...

Григорий ПУНАНОВ